

04/2009

"ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ"

Об авторе: профессор Александр Никитин - директор Центра Евро-атлантической безопасности МГИМО (У) МИД РФ

Политика России в отношении государств Центральной Азии в сфере обеспечения международной безопасности строится под воздействием ряда взаимозависимых факторов.

Во-первых, происходит заметная эрозия постсоветского пространства: факторы общего советского прошлого перестают быть решающими в формировании современной политики многих новых независимых государств. Для ряда государств Центральной Азии, особенно для Узбекистана и Туркменистана в силу особенностей внутривнутриполитического развития, ориентация на поддержание взаимодействия с Москвой перестает быть «естественным» приоритетом. Там, где еще вчера Москва считалась «естественным» союзником, теперь России приходится с трудом бороться за влияние.

Во-вторых, так называемая «многовекторность» - ориентация на балансирование между разными центрами силы и влияния (Москвой, Пекином, Тегераном, Анкарой, Брюсселем, Вашингтоном) ясно проявляется во внешней политике всех центральноазиат-

ских государств. Причем такая многовекторность не является «недорешенностью», незавершенностью исторического выбора: напротив, государства ЦА и не собираются окончательно определяться «с кем они» - страны региона видят плюсы в том, чтобы развивать более или менее активные отношения одновременно со всеми указанными «полюсами влияния», извлекая максимум возможного из связей на каждом направлении.

В-третьих, в нынешнем десятилетии происходит перестройка системы международных региональных организаций, которые объединяют Россию и государства Центральной Азии. Содружество Независимых государств (СНГ) и связанная с ним Межпарламентская Ассамблея СНГ претерпевают явную эрозию, на глазах распадаются, теряют влияние. Экономические функции СНГ постепенно переходят к ЕврАзЭС, в то время как военно-политические функции наследуются и развиваются Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской Организацией Сотрудничества (ШОС).

В-четвертых, наметилось не столько сотрудничество, сколько легкое соперничество между ОДКБ и ШОС, причем именно в Центральной Азии (одни и те же государства Центральной Азии и Россия входят в обе организации, состав разнится за счет Китая и плеяды стран-наблюдателей в ШОС, Белоруссии и Армении в ОДКБ). Политические связи и сознательное построение «идеологии и риторики сотрудничества» заметнее проявляются в ШОС, и это объединение воспринимается Западом и глобальными СМИ с большим вниманием, в то время как реальные военные взаимосвязи, воссоздание единой коллективной оборонной инфраструктуры семи государств на деле сосредоточилось именно в ОДКБ. ШОС, который начинался как система переговоров по границам и проблемам безопасности, в настоящее время отодвинул вопросы безопасности на третий план, прежде всего в силу незаинтересованности Китая в интеграции с другими государствами в сфере безопасности.

Наконец, в-пятых, сама Россия переориентирует в 2000-х годах акценты своей внешней и военной политики. Если ельцинские 1990-е годы прошли под знаком самоидентификации России как региональной, а не глобальной державы, сосредоточенной на внутренних делах, то в нынешнем десятилетии – и чем дальше, тем сильнее – Россия возвращается к роли активной глобальной державы, претендующей на решающее участие в принятии ключевых политических решений в сфере безопасности как в Евразии, так и в мире в целом.

Военно-политическое присутствие России в регионе Центральной Азии в последние два десятилетия носило несистемный характер. С 1992 по 2000 год продолжалась миротворческая операция по мандату СНГ в Таджикистане с участием значительного (до 7000 человек) российского контингента и символическим участием на разных этапах Узбекистана, Казахстана, Киргизстана. До 2006 года продолжалась охрана границы Таджикистана с Афганистаном силами российских пограничников по специальному российско-таджикскому двустороннему пограничному соглашению. Однако наиболее перспективной коллективной военной программой для региона стало формирование в 2000-2001 гг. Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) для Центральноазиатского региона коллективной безопасности. Силы формировались на базе СНГ и под руководством Штаба по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ, и были, прежде всего, рассчитаны на противодействие внешней угрозе - силам талибов, которые грозили распространением своего влияния с афганской территории на север, в Центральную Азию. Примечательно, что страны региона всячески противодействовали задействию этих сил при возникновении внутривосточных проблем (нестабильность в Киргизстане, приведшая к смене президента) или конфликтов между самими государствами ЦА (в частности, между Узбекистаном и Киргизстаном).

Террористические события 2001 года в США и последующая операция международной коалиции против талибов изменили геостратегическую ситуацию, лишив КСБР их потенциальной функции противостояния общей внешней угрозе. К тому же, после формирования в 2002-2003 гг. организации ОДКБ на базе Договора о коллективной безо-

пасности, КСБР (как и ряд других военно-политических структур, в частности, Антитеррористический Центр СНГ) в каком-то смысле «зависли» между старой (СНГ) и новой (ОДКБ) организациями. Около трех лет (2004-2007) продолжались политические дебаты между Россией и государствами центральноазиатского региона по согласованию пакета документов по коллективному миротворчеству. Когда же, наконец, в октябре 2007 года решения и документы о возможности проведения коллективных миротворческих операций на базе ОДКБ в конфликтных регионах были приняты, оказалось, что они в основном ограничивают перспективы коллективных действий «экспортным» вариантом предоставления сил ОДКБ для операций по мандату ООН. Между тем, реальным координатором операции по пост-конфликтной реконструкции в Афганистане к тому моменту уже несколько лет действовало НАТО, а иных подмандатных ООН операций в Центральной Азии не намечается.

В 2009 году было согласовано решение о реконструкции коллективных сил для центральноазиатского региона. КСБР трансформируются в Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Новые силы имеют ряд существенных отличий. Во-первых, увеличивается до 15000 человек их масштаб. Отметим, что такой масштаб делает КСОР сопоставимыми с Силами ответного реагирования НАТО (20000 человек), при этом КСОР будут превышать по численности сформированные на сегодняшний день оперативно-тактические соединения Европейского Союза, предназначенные для кризисного реагирования. Во-вторых, в отличие от прежних КСБР, к которым контингенты стран были приписаны «на бумаге» и встречались лишь на учениях, контингенты КСОР реально размещаются, тренируются, проходят службу вместе. На территории России выделены соединения, на базе которых будут находиться в постоянной боеготовности новые силы кризисного реагирования. В-

ей и силами НАТО в Афганистане носит несистемный характер. Прямое сотрудничество и взаимодействие ОДКБ и НАТО как организаций наладить пока не удалось. Остается не вполне проясненным разделение функций и ответственности в сфере безопасности между ОДКБ и ШОС. Реального вовлечения новых региональных партнеров (Китай, Иран и др.) в обеспечение безопасности в центральноазиатском регионе пока не произошло. В то же время повышается присутствие и участие в региональном диалоге по безопасности внерегиональных актеров – США, НАТО, Евросоюза.